76 02 205

ПИСЬМА

О

КНЯЗЬЯХЪ ОСТРОЖСКИХЪ.

76 02 205

Остатки Острожскаго Замка.

1866.

КІЕВЪ.

Въ Литографіи Е. Федорова

76 02
205

ПИСЬМА

О

КНЯЗЬЯХЪ ОСТРОЖСКИХЪ

КЪ ГРАФИНѢ А. Д. БЛУДОВОЙ

18

МИХАИЛА МАКСИМОВИЧА.

КІЕВЪ.
Въ типографіи Федорова.
1866.

Дозволено цензурою 25 іюня 1866 года.

Гос. Истор. Научн. Б-ка
№ 295692
193 г.

ПИСЬМА О КНЯЗЬЯХЪ ОСТРОЖСКИХЪ

къ графинѣ А. Д. Блудовой.

—

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Вашимъ попеченіемъ началось и устроется *Острожское Кирилло-Меѳодіевское Братство*... Уже можно привѣтствовать Волынскую землю съ этимъ благотворнымъ для нея учрежденіемъ, и нельзя не пожелать прочнаго бытія и полнаго разцвѣта новому Православно-русскому братству, собирающемуся во имя святыхъ Первоучителей Славянскихъ, которые и „сами были *Славяне*“, по замѣчанію стараго лѣтописца Южнорусскаго. Да будетъ же Острожское братство благоуспѣшно, наравнѣ съ прежними предпріятіями благочестивыхъ женъ Волынскихъ, ознаменовавшихъ свою любовь къ православной церкви и просвѣщенію Русскому! Мы съ благодарностью вспоминаемъ имена—Анны Гулевичевны Лозкиной, основательницы Кіевскаго Богоявленскаго братства (въ 1615 году); Анны Гойской, основательницы Почаевской обители (въ 1597 году); княгини Раины Вишневецкой, строительницы трехъ монастырей въ Украинѣ Перея-

славской—и другихъ Волынянокъ. А величавыя развалины славнаго города Острога, при которыхъ свивается новое гнѣздо братской любви и милосердія,—онѣ наводятъ неотразимую думу о князьяхъ Острожскихъ... Два съ половиною вѣка уже, какъ прекратился этотъ знаменитый княжескій родъ, бывшій въ продолженіе трехъ вѣковъ красою и славою Волынской земли; но память о немъ пребываетъ изъ рода въ родъ. Этою памятью Древне-русская жизнь Волынской земли соединяется съ ея новымъ бытіемъ въ общемъ составѣ Русскаго міра. Эта дорогая для Руси память должна, мнѣ кажется, быть присущею и въ *Братствѣ Острожскомъ*, составлять его непремѣнную стихію, его существенную особенность отъ всѣхъ другихъ братствъ и учрежденій, возникающихъ во имя святыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія.

Въ этихъ мысляхъ я обращаюсь къ вамъ, графиня, и въ моихъ письмахъ передамъ на усмотрѣніе ваше нѣсколько замѣчаній и воспоминаній о достопамятныхъ князьяхъ Острожскихъ.

Прежде всего, разумѣется, предлежитъ вопросъ генеалогическій: отъ какой отросли Владимірова племени произошелъ родъ князей Острожскихъ?—Уже давно господствуетъ у насъ

мнѣніе Польскихъ историковъ, что князья Острожскіе были потомки *Романа Галицкаго*. Такъ еще въ старомъ лѣтописцѣ Южнорусскомъ, составленномъ въ XVII вѣкѣ, подъ вліяніемъ историковъ Польскихъ,—Галицкій король Даніилъ Романовичь названъ *предкомъ* князей Острожскихъ, и положено такое ихъ родословіе: „*Романъ Даниловичь*, родной братъ князя Льва, оставилъ сына *Василія*, князя Острожскаго; тотъ Василій оставилъ по себѣ сына *Даніила*, князя на Острогѣ; отъ того Данила остался сынъ *Ѳеодоръ*...“ и такъ далѣе.

Здѣсь Даніилъ Острожскій и его сынъ Ѳеодоръ—лица дѣйствительныя, историческія, также какъ и сынъ Даніила Галицкаго, князь Романъ; но ему усыновляемый *Василь Романовичь* есть лицо призрачное, небывшее ни между потомками Даніила Галицкаго, ни между предками князей Острожскихъ.

Нѣсецкій и другіе Польскіе генеалоги, своимъ разногласіемъ и произволомъ въ производствѣ князей Острожскихъ отъ Галицкихъ, обнаружили только несостоятельность этого производства, запутавъ родословіе и прибавкою еще одного *Василія* между Даніиломъ и Ѳеодоромъ Острожскими, такъ что святопамятный князь *Ѳеодоръ Даниловичь* именуется у нихъ

Θеодоромъ Васильевичемъ (подобно тому, какъ у того же Нѣсецкаго, знаменитый князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій переименованъ въ Дмитрія Александровича).

Очевидно, что господствующее мнѣніе о происхожденіи князей Острожскихъ отъ Галицкихъ неосновательно и невѣрно, также какъ и Старо-польское мнѣніе о происхожденіи самаго Романа Галицкаго—отъ Давида Игоревича, хотя это мнѣніе донынѣ въ ходу у писателей Польскихъ (напримѣръ у Крашевскаго). Такъ и въ старомъ Южнорусскомъ лѣтописцѣ, къ имени Давида Игоревича, означено: „продокъ княжатъ Острозскихъ".

Чтобы выбраться изъ этой генеалогической дебри на прямой путь историческій, я обратился къ старымъ помянникамъ Кіевскихъ церквей, гдѣ записанъ „родъ князя Константина Ивановича Острозскаго", вскорѣ послѣ его погребенія въ Печерской церкви, то есть, еще въ тридцатыхъ годахъ шестьнадцатаго вѣка. Тамъ имена предковъ его поминаются въ такомъ порядкѣ:

1) князя *Георгія*,
2) князя *Дмитрія*,
3) князя *Данiила*,
4) князя *Θеодора*, въ инокахъ *Θеодосія*... и т. д.

Несомнѣнно, что эти имена были написаны для церковнаго поминовенія еще самимъ княземъ Константиномъ, правнукомъ Ѳеодора; а потому это родоначаліе князей Острожскихъ должно признать за достовѣрное и нерушимое. Соотвѣтственный рядъ княгинь представляетъ слѣдующія имена:

1) княгиня *Варвара*,
2) княгиня инокиня *Елисавета*,
3) княгиня *Василисса*,
4) княгиня *Агаѳія*, въ инокиняхъ *Агрипина* ... и т. д.

Вотъ первыя четыре степени родства князя Константина. Оно начинается прадѣдомъ его прадѣда Ѳеодора—княземъ *Георгіемъ* и его княгинею *Варварою*. Кто же были эти родоначальники князей Острожскихъ?—„Благовѣрніи князи *Туровскіи*“. Такъ написано къ ихъ именамъ—въ помянникѣ Дубенской церкви[1], давно составленномъ вновь по старѣйшимъ поминаніямъ той же церкви. Эта маленькая замѣтка, въ нихъ сохранившаяся, вѣрнѣе всѣхъ генеалоговъ указываетъ намъ на князей Острожскихъ, какъ на отрасль *князей Туровскихъ и Пинскихъ*. Князья эти произошли отъ Влади-

[1].— См. выписку изъ помянника въ **Памятникахъ** К. К. Т. IV, I стр. 111—«князи **Гуровскіи**»—явная ошибка вм. **Туровскіи**.

міра Святаго чрезъ его правнука *Святополка Изяславича;* внукъ Святополка былъ *Юрій Ярославичь*; а его внукъ былъ *Владиміръ* князь Пинскій ,отецъ *Юрія* или *Георгія*, въ которомъ мы узнали, наконецъ, подлиннаго родоначальника князей Острожскихъ.

Юрій Владиміровичь появляется въ лѣтописаньи въ 1262 году, по случаю побѣды надъ Литвою, одержанной Волынскимъ княземъ Василькомъ Романовичемъ, подъ городомъ Неблемъ. „Се же услышавше князи Пиньстіи Ѳедоръ и Демидъ и Юрьи, и пріѣхаша въ Василькови съ питьемъ, и начаша веселитися, видяще бо ворогы своя избиты, а своя дружина вся цѣла ". А въ концѣ Волынской лѣтописи читаемъ слѣдующее: „Въ лѣто 6800 (1292) преставися Пинскій князь Юрьи, сынъ Володимеровъ, кроткій, смиренный, правдивый; и плакася по немъ княгини его, и сынове его, и вси людье плакахуся по немъ плачемъ великимъ".

Изъ его сыновей мы знаемъ уже князя *Дмитрія*, съ котораго и начинаются *князья Острожскіе.*

P. S.—Не лишнимъ считаю сказать о старомъ *Лѣтописцѣ* Южнорусскомъ, на который я ссылался. Онъ извѣстенъ по списку, сдѣланному въ Черниговѣ 1699 года іеромонахомъ

Леонтіемъ Боболинскимъ. Еще въ запискахъ Храповицкаго, подъ 9 декабря 1791 года, сказано: „Приказали написать Черниговскому епископу, чтобъ списавъ вѣрно изъ библіотеки тамошней семинаріи лѣтописецъ, въ 1699 году Боболинскимъ сочиненный, присылалъ сюда черезъ почту по тетрадямъ". Но о. Леонтій былъ только переписчикомъ. Умея подъ рукою теперь другой списокъ, нѣсколько старѣе и безъ тѣхъ прибавленій, какія сдѣланы Боболинскимъ, даже изъ печатнаго Кіевскаго Синопсиса; онъ кончается сказаніемъ о гетманѣ Подковѣ; писанъ мѣлкимъ письмомъ, на 696 листахъ, озаглавленъ такъ: „*Лѣтописецъ*, то есть *Кроника*, зъ розныхъ многихъ а досвѣдчоныхъ авторовъ и историковъ, діалектомъ Рускимъ есть зложона". Кѣмъ сложена эта современница *Хроники Густынской*, мнѣ неизвѣстно.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Предоставляя будущимъ историческимъ соображеніямъ и открытіямъ новоузнанную чету князей Острожскихъ—князя *Дмитрія Юрьевича* и его княгиню инокиню *Елисавету*, я перехожу къ извѣстному въ исторіи сыну ихъ *Даніилу Острожскому*. Онъ является вслѣдъ за тѣмъ, какъ въ 1340 году Краковскій король Кази-

міръ Владиславичь посягнулъ въ первый разъ на завладѣніе землею Галицкою или Львовскою. Тогда Данило Острожскій, согласясь съ Перемышльскимъ старостою Дашкомъ и призвавъ на подмогу себѣ войско Татарское, истребилъ Польскую стражу, оставленную королемъ въ землѣ Галицкой; а потомъ они опустошили принадлежащія ему земли Краковскую, Сендомирскую и Люблинскую. Такимъ отпоромъ Казиміру Великому, въ 1341 году, пріостановлено было на нѣсколько лѣтъ его завладѣніе землею Галицкою, и его первый захватъ Волынской земли, ставшійся въ 1349 году, но на другой же годъ отраженный Волынскимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ. (Земля Волынская, также какъ и Подолье, и земля Кіевская, тогда принадлежали уже къ великому княжеству Литовскому.)

Въ городѣ Острогѣ была тогда церковь св. Николая, въ которой находилось еще и въ XVII вѣкѣ евангеліе съ слѣдующею вкладною записью: „Се язъ князь Данило и съ княгинею Василисою, и съ дѣтьми нашими, придалисьмы землю на имя Чепель, уѣздомъ и въ обрубѣ, ко святому Николѣ Острозскому, въ парканежъ, какъ тая земля въ соби маетъ, вѣчно и непорушно; не маемъ ся мы въ тую землю вступа-

ти, ни дѣти, ни потомки наши; маютъ тую землю тои церкви попы держати, и маютъ соби всякій пожитокъ имати, а за насъ Бога милостиваго просити и роды наши поминати; а если бы кто мѣлъ той земли кривду чинити, маемъ мы и потомки наши боронити; а если бы мѣлъ тежъ тую землю отъ Божіи церкви отымати, тотъ маетъ передъ милостивымъ Богомъ на страшномъ суду съ нами ся розсудити".[2]

Сыновей у нихъ было три: *Ѳедоръ*, *Алексѣй* и *Андрей*, какъ это можно усмотрѣть изъ помянниковъ Кіевскихъ. Въ исторіи памятенъ старшій сынъ, *Ѳедоръ Даниловичъ*, видный съ 1386 года, когда и король Ягелло, и великій князь Витовтъ, не только подтвердили Острожское владѣніе, утвержденное за нимъ княземъ Любартомъ, но еще пріумножили городами Заславлемъ и Корцемъ. Потомъ Ѳедоръ Острожскій является спустя 45 лѣтъ. (Подобные пропуски лѣтописные можно видѣть въ жизни Всеслава Полоцкаго, Романа Галицкаго и другихъ князей.) По кончинѣ могучаго Витовта (въ декабрѣ 1430 года), стремившагося упрочить и возвеличить свое Литовское государство, Поляки не замедлили захватить Подолье и покушались

[2].— Изъ выписи 1634 года, помѣщенной въ «Краткомъ описаніи города Острога», составленномъ **А. Перлштейномъ**, въ дополненіе къ «Острожской Старинѣ» **В. Домбровскаго**, напечатанной въ **Кіевлянинѣ** 1840 г.

отвоевать Волынскую землю у новоизбраннаго въ великіе князья Свидригайла Ольгердовича. Но послѣ неудачной осады Луцка самимъ королемъ Ягелломъ Ольгердовичемъ 1431 года, тотчасъ придумано было иное средство ослабить государство Литовское—внести въ него междоусобицу и раздвоеніе; для того и поставленъ былъ въ великіе князья Жигимонтъ Кейстутовичь, ненавистное для Руси орудіе Польши. Тогда снова возгорѣлась война. Любимый Русью, хотя суровый князь Свидригайло двинулся въ Литву; а Ѳедору Острожскому поручено было одержать Подолье; и онъ исполнилъ это побѣдоносно, очистивъ всю Браславщину къ исходу 1432 года;[3] а на слѣдующую весну отобралъ

[3].— Вотъ сказаніе изъ стараго Лѣтописца Южнорусскаго.

«Року 1432, Ѳедоръ княжа Острозское, мужъ великои дѣлности и валечный, держачи сторону Швидригайлову, добылъ Смотричь, Браславль и Скалу, замки подъ Ляхами, а потомъ и все Подоле на Швидригайла до Руси вырвалъ у Поляковъ. Прето король Якгелло, до Львова вытягнувши,ославъ войско коронное на Подоле, которое князь Ѳедоръ, уставичне зъ своимъ, войско лядское губилъ и наежчалъ; а коли уже Ляхи, для близкои зимы, до дому се вертали, заразъ князь Острозскій Ѳедоръ таемне за ними тягнулъ, часу, местца и пригоды где бы на нихъ ударить смотрѣлъ; и есть Мурахва река, которая до Днестра впадаетъ, болотна и широко выливаючая, черезъ лѣсы идучи; а уже была трохи примерзла;—презъ которую князь Ѳедоръ иншою дорогою перевей пребывши, засадился на другомъ берегу зъ войскомъ своимъ въ лѣсѣ; тамъ жэ нагле и безъ вѣсти, зъ великимъ и гвалтовнымъ окрикомъ, на Ляхи ударилъ; а Ляхи, будучи стривожены пригодою новою и не сподѣванною, оцни вплавъ ледъ ламать, а другіе возы свои въ гати

онъ и Каменецъ, полонивши тамъ знаменитаго старосту Ѳеодорика Бучацкаго. Извѣстіе объ этихъ и дальнѣйшихъ подвигахъ князя Острожскаго сохранилъ историкъ и дипломатъ того вѣка, Краковскій каноникъ Янъ Длугошъ, у котораго впрочемъ и разбитые Русью Поляки выходятъ изъ сраженія побѣдителями. Не смотря на то, онъ называетъ князя *Ѳедька* мужемъ храбрымъ и воинственнымъ, и ставитъ его выше всѣхъ тогдашнихъ вождей Литвы и Руси.

Но воинственный князь Ѳеодоръ сподобился стать превыше—въ сонмѣ святыхъ отцовъ Печерскихъ. Вотъ извѣстіе о немъ изъ краткаго жизнеописанія св. отцевъ дальней или Ѳеодосіевой пещеры, составленнаго тамъ въ XVII вѣкѣ. „Преподобный *Ѳеодоръ Даниловичь*, князь Острожскій, оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу, взявъ на себе святое иночество, и такъ подвизався крѣпко о спасеніи своемъ, угождаючи Богу ажъ до смерти, душу свою всяко украшаючи, Господеви въ руцѣ отдалъ; а тѣло его, здѣ положенное, опочиваетъ“.

Я увѣренъ, что Кіевскіе братчики не

покинувши и поперевертавши, учинили битву; але князь Острозскій войскомъ перевышалъ; Ляховъ помешанныхъ, изъ реки выежчаючихъ, Русь отъвсюль назрѣвали, били, топили и имали. Лечь Волоховъ, которые были на лупезствѣ, побито отъ Ляховъ, и погинуло ихъ много.

преминутъ внести образъ святаго князя въ домовую церковь братства Острожскаго, А со временемъ, по всей справедливости, надо бы въ Острогѣ поставить хотя придѣльную церковь, во имя преподобнаго князя Острожскаго,—тѣмъ болѣе, что имъ созданная въ Острогѣ каменная *Пречистенская* церковь, обращена еще въ XVII вѣкѣ въ католическій костелъ, донынѣ тамъ существующій. На Волынской землѣ слѣдуетъ быть храму во имя святаго ея уроженца и подвижника. Тогда 28-й день августа, въкоторый празднуется его память, сталъ бы народнымъ праздникомъ Волынской земли. Съ какимъ усердіемъ притекалъ бы туда православный народъ Волынскій, помолиться своему святому князю! Съ какимъ умиленіемъ слушали бы церковную пѣснь о немъ: „Красоты ризныя возгнушавшагося, и богатства тлѣннаго со благодареніемъ отвергшагося, въ ризу же безстрастія облекшагося и богатому во щедротахъ возслѣдовавшаго Христови, пріидите вѣрніи, усердно восхвалимъ Ѳеодора достославна, яко молящагося непрестанно о душахъ нашихъ“!

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Въ предыдущемъ письмѣ я не сказалъ о времени, когда Ѳеодоръ Острожскій сталъ *иноком҃ Ѳеодосіем҃*, и когда онъ скончался.

Положительнаго извѣстія о томъ еще не нашлось. Весьма правдоподобно мнѣніе Филарета Черниговскаго, что князь Ѳеодоръ удалился въ Печерскую обитель около 1438 года (см. *Русскіе Святые*—за августъ); но невѣроятно, чтобы онъ скончался—„*въ концѣ XV-го вѣка*“, какъ это написано было Евгеніемъ, въ *Описаніи Кіево-печерской лавры*, и потомъ повторялось въ *Словарѣ Святыхъ*, въ *Указателѣ Святыни Кіева* и въ другихъ сочиненіяхъ.

По примѣру князя Ѳеодора, и его княгиня *Агаѳія* приняла иночество съ именемъ *Агрипины*. Меньшой братъ его Алексѣй также окончилъ жизнь инокомъ *Александромъ*.

Сыновей у Ѳедора Даниловича было два, *Василій* и *Даніилъ*. Первый изъ нихъ у современниковъ прозывался *Василіемъ Краснымъ*. Въ то время, какъ достославный отецъ его отражалъ войсковые нападки Поляковъ на Русскія земли государства Литовскаго, Василій Красный противодѣйствовалъ дипломатическимъ притязаніямъ Польши на цѣлое государство Литовское, которыя въ XV-мъ вѣкѣ усилились чрезмѣрно, въ замѣнъ притупившагося оружія. На этомъ дипломатическомъ поприщѣ и прославился онъ еще 1431 года, въ Вильнѣ, при избраніи Свидригайла, и въ переговорахъ, при

осадѣ Луцка. Спустя 15 лѣтъ, при новомъ великомъ князѣ, Казимірѣ Ягелловичѣ, Василій Острожскій особенно настаивалъ на отказъ его отъ Польской короны, съ чѣмъ и былъ посланъ на Петриковскій сѣймъ. Хотя же въ слѣдующемъ 1447 году этотъ великій князь Литовскій согласился, наконецъ, быть вмѣстѣ и королемъ Польскимъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Поляки отказались навсегда отъ своихъ притязаній на Волынь и Подолье. Василій Красный, въ свитѣ стараго Свидригайла, находился и при коронаціи юнаго Казиміра.

Въ своемъ городѣ Острогѣ князь Василій поставилъ большую каменную ограду, которой остатки и нынѣ еще видны. Онъ также укрѣпилъ и другіе города свои, Заславль и Дубно. Ему приписываютъ и сооруженіе въ Острогѣ великолѣпной церкви Богоявленской. Впрочемъ, уцѣлѣвшія на ея опустѣлыхъ стѣнахъ числа указываютъ на другихъ строителей. Если *начало* ея—въ *1321* году[4], то ея первое построеніе (разумѣется, деревяннымъ зданіемъ) могло принадлежать еще князю Дмитрію Юрьевичу. Другое, Славянское число, если разобрано вѣрно *(7031)*, означаетъ *1523* годъ, и тогда

[4].— Полагаюсь на вышепомянутую статью г. Перлштейна, напечатанную въ **Чтеніяхъ** 1847 года.

сооруженіе или обновленіе Богоявленской церкви принадлежитъ князю Константину Ивановичу, о которомъ говорятъ, что онъ перенесъ гробъ своего дѣда Василія изъ Острога въ Печерскую лавру. А скончался князь Василій Ѳедоровичъ *1453* года.

Послѣ него Острожское владѣніе раздѣлилось между двумя сыновьями. Князь *Юрій Васильевичъ*, исторически извѣстный съ 1456 года, сталъ владѣльцемъ города Заславля, по которому какъ онъ, такъ и его потомство, назывались князьями *Заславскими* или *Жеславскими*. Надо однако же отличать эту Волынскую Русскую фамилію отъ Литовскихъ князей *Заславскихъ* или *Ижеславскихъ*, такъ называвшихся по древнему городу Изяславлю, построенному Владиміромъ Великимъ въ Полоцкомъ княжествѣ, для Рогнѣды, во имя ея сына. (Нынѣ мѣстечко *Заславъ*, Минской губерніи.)

Потомствомъ *Ивана Васильевича* продолжался родъ князей *Острожскихъ*. Этотъ князь извѣстенъ битвами съ Татарами и построеніемъ Троицкой церкви въ Межирѣчьи Острожскомъ. Женатъ онъ былъ на Украинской княжнѣ Глинской, родившей ему того славнаго *князя Константина*, гробницѣ котораго кланяемся мы въ великой церкви Печерской.

Надгробная статуя представляетъ возлежащаго рыцаря,—изображеніе приличное для князя Константина послѣ многотрудной его жизни. Прежняя надпись, бывшая до лаврскаго пожара въ 1718 году, состояла въ слѣдующихъ словахъ: „Константинъ Іоанновичь князь Острозскій, воевода Троцкій, гетманъ великаго княжества Литовскаго, по многихъ побѣдахъ отъ смерти полягши, здѣ погребенъ, лѣта отъ Р. Х. 1533, имѣяй лѣтъ 70; одержа побѣдъ 63“.[5]

Начавъ служебное поприще еще при Казимірѣ, онъ былъ съ 1498 года уже Литовскимъ гетманомъ. Въ послѣдній годъ XV-го вѣка возгорѣлась война у Александра Казиміровича съ его тестемъ, Іоанномъ III-мъ Васильевичемъ. Древняя междоусобица удѣльныхъ Русскихъ князей обратилась съ XIV-го вѣка въ борьбу двухъ половинъ Руси, Западной и Восточной, въ тяжбу двухъ новообразовавшихся государствъ, Литовскаго и Московскаго. Но при началѣ Александровой борьбы съ Іоанномъ, князю Константину не посчастливилось: потерпѣвъ страшное пораженіе на р. Ведрошѣ 1500 г. 14 Іюля, онъ сталъ, безъ малаго на 7-мь лѣтъ, плѣнникомъ Московскимъ. Въ эти годы усилился и возвы-

[5].—Какъ въ этой надписи, такъ и во всѣхъ писаніяхъ Польскихъ кончина Константинова полагается въ 1533 г, но по Литовской Метрикѣ она означена въ 1530-мъ.

сился въ Литвѣ блистательный князь Михаилъ Львовичь Глинскій, котораго Менгли-Гирей называлъ первымъ *молодцомъ* въ государствѣ. Но по смерти Александровой онъ встрѣтилъ непріязнь къ себѣ въ новомъ государѣ Литовскомъ, Жигимонтѣ Казиміровичѣ. Тогда Михаилъ Глинскій, съ многочисленнымъ родомъ своимъ, передался на сторону Московскую, замышляя отнять у Литвы землю Кіевскую. Но въ ту пору бѣжавшій изъ Москвы князь Константинъ явился въ своемъ отечествѣ великимъ богатыремъ, и первымъ подвигомъ его было—успѣшное противодѣйствіе дядѣ своему Глинскому. За тѣмъ слѣдовали его побѣды надъ Татарами, изъ которыхъ особенно знамениты двѣ—подъ Вишневцомъ 1516 года и на Ольшаницѣ близъ Канева 1527-го Государь Литовскій Жигимонтъ старался всячески отличать и награждать своего *свѣтлороженнаго* князя: щедро надѣлялъ его имѣніями; титуловалъ его *найвысшимъ* гетманомъ Литовскимъ; возвысилъ въ званіе воеводы Троцкаго; почтилъ его небывалыми еще торжественными въѣздами въ обѣ столицы свои, въ Вильну и Краковъ, по примѣру древнихъ героевъ Римскихъ; а однажды, въ знакъ особаго отличія, пожаловалъ его королевскимъ правомъ приложенія печати на *красномъ* воску.

Будучи въ полной славѣ и власти, князь Константинъ стоялъ крѣпко за права восточной православной церкви; сооружалъ храмы въ Вильнѣ, Новгородѣ-Литовскомъ и въ своемъ Острожскомъ владѣніи, гдѣ основалъ нѣсколько новыхъ монастырей, благотворя и прежнимъ; особенно же онъ былъ усерденъ къ монастырю Печерскому. Туда и перевезенъ былъ его гробъ сыномъ *Ильею*. Тамъ погребена была и первая супруга его, княгиня *Татіана*, дочь князя Семена Юрьевича Гольшанскаго.[6]

Нечего и говорить, какъ величали его Литовскіе и Польскіе писатели, называя *Русскимъ Сципіономъ,—вождемъ всѣхъ вѣковъ достойнѣйшимъ*, и проч. Въ заключеніе, приведу слова изъ исторіи, писанной новымъ гражданиномъ Волынской земли, знаменитымъ Московскимъ бѣглецомъ, княземъ Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ. „А о тѣхъ Волынцахъ не только въ кроникахъ мужество ихъ описуется, но и новыми повѣстьми храбрость ихъ свидѣтельствуется, яко мало прежде и о другихъ рѣхомъ егда быша въ вѣрѣ православной, пребываша по обычаямъ мѣрнымъ, и къ тому имѣюще

[6].—Княгиня Татіана скончалась вскорѣ послѣ 1520 года, и отъ нея у князя Константина остался сынъ **Илія**; а его сынъ **Василій-Константинъ** и дочь **Софія**, родившіеся до 1528 года, были отъ второй жены, княгини Александры.

надъ собою гетмана храбраго и славнаго *Константина*, въ правовѣрныхъ догматахъ свѣтлаго и во всякомъ благочестіи сіяющаго, яко славни и похвальни въ дѣлѣхъ ратныхъ явишась, отечество свое обороняюще".

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

По смерти князя Константина Ивановича владѣльцемъ Острога былъ старшій сынъ его *Илія*, староста Браславскій и Винницкій; а малолѣтній княжичь *Константинъ*, въ крещеніи *Василій*, оставался при своей вдовствующей матери, Александрѣ Семеновнѣ, дочери князя Слуцкаго, получившей себѣ въ вѣно отъ покойнаго мужа городъ Туровъ. Въ этой прародинѣ князей Острожскихъ и выросталъ будущій, послѣдній представитель ихъ славы и доблести.

Между тѣмъ Илія Константиновичь въ 1539 году вступилъ въ бракъ съ Беатою Костелецкою, дочерью бывшей королевской наложницы Катерины, воспитанною и процвѣтавшею при дворѣ корыстолюбивой и безнравственной королевы Боны. Года черезъ три послѣ того умеръ князь Илія, поручивъ опекѣ королевича Жигимонта-Августа свою малолѣтнюю, единственную дочь, *Елисавету* или *Алжбету*, извѣстную по своей злополучной, трагической судьбѣ... И ктоже

въ ней виновнѣе? — Своенравная-ли Беата, которой хотѣлось подольше владѣть огромнымъ наслѣдствомъ своей дочери?—Молодой-ли князь Константинъ Константиновичь, который помогъ князю Дмитрію Сангушку обвѣнчаться на своей юной племянницѣ, чтобы и ее и Острожское владѣніе вырвать поскорѣе изъ рукъ ненавистной для него ляховицы?—Или же король Жигимонтъ-Августъ, такъ немилостиво осудившій на изгнаніе Дмитрія Сангушка, придержась гнуснаго обвиненія, сочиненнаго на-заказъ Станиславомъ Чарнковскимъ?—Нашелся и другой угодникъ, Мартынъ Зборовскій, который настигъ убѣжавшую чету уже не въ своей, а въ Чешской землѣ, въ Яромирѣ, и не остановился умертвить Сангушка (1554 г.) и, вмѣстѣ съ его головою, доставить алчной Беатѣ ея овдовѣвшую дочь... И для чего же? Чтобы августѣйшій опекунъ выдалъ ее насильно за любимаго имъ Поляка Гурку, не смотря уже и на отчаянное сопротивленіе ея матери... Бѣдная Алжбета! Не доставшись любившему ее князю Семену Слуцкому, оставшись вдовою и послѣ немилаго ей Лукаша Гурки, она явилась уже безумная къ своему дядѣ въ Острогъ, гдѣ и скончалась. А выжитая отсюда Беата благоденствовала еще на Волыни, въ мѣстечкѣ Януш-

полѣ, пока не женился на ней (послѣ 1563 года) Сѣрадскій воевода Альбрехтъ Ласкій, который, не могши съ нею ужиться, заточилъ ее навѣки въ своемъ Венгерскомъ замкѣ Кезмаркѣ.

Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ происходила во Львовѣ осада Беаты Острожской и насильное взятіе оттуда ея дочери для Поляка Гурки,—Жигимонтъ-Августъ разыгралъ въ Люблинѣ другую драмму, болѣе важную: онъ разшибъ свое Литовское государство на составныя части и каждую порознь присоединилъ къ королевству Польскому. И нашъ древній, первопрестольный Кіевъ, со всею Южною и Сѣверо-западною Русью, сталъ достояніемъ Польской короны... La divina commedia!

Нельзя не подивиться тому постоянству, съ какимъ Поляки, въ продолженіе 180-ти лѣтъ, достигали всячески этой вожделѣнной для нихъ *Люблинской уніи*, предначатой еще во время облапошеннаго ими короля Ягелла Ольгердовича. Литвины обрадовались было *Ягелловской уніи*, какъ дружественному союзу двухъ самостоятельныхъ государствъ, для взаимной обороны отъ общихъ враговъ; потѣшались данными имъ Польскими гербами... и возненавидѣли Поляковъ, разглядѣвши, что они написали себѣ, какъ заповѣдь—усвоеніе, претвореніе, втѣленіе Литвы

въ Польшу! И ужъ какъ ни бились Монивиды, Радивилы и другіе паны-рады Литовскіе, чтобы устранить отъ себя Поляковъ, „какъ заграничниковъ и чужеземцевъ“; но не смогли и не съумѣли уберечь Гедиминова наслѣдія отъ роковаго поглощенія Польшею: оно совершилось въ 1569 году, державнымъ содѣйствіемъ Ягелова правнука, разслабленнаго и бездѣтнаго Жигимонта-Августа.

Была возможность избѣгнуть этого поглощенія, именно на Люблинскомъ сеймѣ, еслибы и князь Константинъ Острожскій, воевода Кіевскій, и князь Александръ Черторыйскій, воевода Волынскій, и всѣ представители Южнорусскихъ земель—не согласились на отлученіе ихъ отъ великаго княжества Литовскаго и присоединеніе къ королевству Польскому, и тѣмъ поддержали бы несогласіе Литвиновъ на Люблинскую унію. Тогда-бы и Польша, по смерти своего послѣдняго Литвина-Ягеллончика, оставщись сама при себѣ, въ своихъ собственныхъ, Старо-польскихъ предѣлахъ, при своемъ тогдашнемъ обращеніи изъ католичества въ протестантство,—можетъ быть, она еще и пришла бы въ самосознаніе, и устроилась бы въ государство правильное и крѣпкое... Но между Литвою и Русью не оказалось уже единомыслія; а Польша,

обуянная успѣхомъ своего напряженнаго стремленія превратить въ себя уже разрушенное для нея Литовское государство, она и сама погибла съ шумомъ на его громадныхъ обломкахъ.

Великолѣпный князь Константинъ Лонстантиновичь, согласившійся неохотно на Кюблинскую унію, оставался воеводою Кіевскимъ, маршаломъ Волынской земли и старостою Владимирскимъ, еще около *сорока* лѣтъ—и наглядѣлся всякаго (нестроенія) въ новосоставленной *Рѣчи-посполитой Польской.* Онъ видѣлъ, какъ быстро отлетала отъ нея та *свобода вѣроисповѣданія*, которою такъ славенъ въ ея исторіи вѣкъ Жигимонта-Августа, которую этотъ „прирожоный государь Литвы“ подтвердилъ и на прощанье съ свѣтомъ, въ *1572* году, означенномъ въ исторіи Европейскаго запада—*Варѳоломеевскою ночью*... И не странноли? Свободная въ выборѣ королей рѣчь-посполитая, волновавшись первымъ избраніемъ болѣе полутора года, выбрала себѣ въ короли участника Варѳоломеевской ночи, 22-лѣтняго Генриха Валуа, который черезъ четыре мѣсяца бѣжалъ изъ Кракова тайкомъ, какъ тать ночной, увезя съ собою въ Парижъ Польскую корону... „Ночью избранъ, ночью пріѣхалъ, и ночью уѣхалъ“—замѣчаетъ современникъ.

Со скорбію видѣлъ князь Острожскій, какъ езуиты, приголубленные королемъ Баторіемъ для распространенія „свободныхъ наукъ“ въ Польшѣ, заткали ее своею хитромысленною паутиною и водворили въ ней *духъ вѣрогоненія*, проявившійся такъ сильно въ правленіе Жигимонта III-го Вазы, который руководился ими отъ юности своей и до смерти. Не исполнилось и четверти вѣка послѣ Люблинской гражданской уніи, какъ уже введена была, державнымъ насиліемъ этого короля, *церковная унія Брестская*, терзавшая Западнорусскій народъ цѣлыхъ два вѣка, до самаго конца Польши (1596—1796).

„Ото-жъ унія: лежитъ Русь съ Поляками“— говорилъ коронный гетманъ Конецпольскій, указывая на трупы, во время Переяславской войны съ козацкимъ гетманомъ Тарасомъ, 1630 года. Раздоръ въ Руси и народная ненависть къ Полякамъ были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой езуитской *уніи*, предпринятой въ пополненіе Римской паствы, потерпѣвшей великій уронъ отъ реформаціи.

Какъ же дѣйствовалъ князь Острожскій во второе сороколѣтіе своей жизни? Подобно своему герою-отцу, онъ неоднократно поражалъ орды Татарскія, насылая на нихъ и подвласт-

ное ему козачество Украинское[7]; а въ 1579 году, когда побѣдоносный Баторій двинулъ сильные полки противъ Іоанна Грознаго, нашъ воевода Кіевскій прошелъ грозою по Сѣверской землѣ до окрестностей Смоленска. Но не военныя дѣла составили его именитость въ исторіи: онъ стяжалъ себѣ безсмертную славу–какъ великій поборникъ православія, какъ защитникъ и утѣшитель православнаго Западнорусскаго народа, когда настало новое гоненіе отъ воспрянувшаго въ Литвѣ и Польшѣ латинства, и бояре Кіевскіе могли говорить своему князю, какъ въ древней пѣсни о полку Игоревѣ: „Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю“!

Высокое значеніе князя Острожскаго признаваемо было всѣми тоговременными людьми, начиная съ короля Баторія, ставшаго католикомъ изъ протестанта для Польской короны. Онъ называлъ князя Острожскаго—верховнымъ хранителемъ и защитникомъ православной церкви въ Западной Руси. А чтобы слышать голосъ ближайшихъ къ нему людей, прочтемъ слѣдующія строки изъ Октоиха, изданнаго въ Дерманскомъ монастырѣ въ 1604 году, т. е. за

[7].— «Но вскорѣ козаки Туркомъ и Татаромъ отмстиша за сіе; ибо, въ року 1575, посланы бывше отъ Кіевскаго воеводы зъ Черкасъ и зъ Канева чолнами, Днѣпромъ, на орды нападоша, и много побивше плѣнъ вземше, возвратишася къ своимъ зъ корыстьми». (см. **Лѣтопись Грабянки**.)

четыре года до кончины князя Константина Константиновича: ,,Иже въ благочестіи сіяющь пресвѣтлый князь, имъ же и его же ради Богъ, въ настоящихъ и мимошедшихъ объстояніяхъ же и бѣдахъ нашихъ, насъ защищаше и утѣшаше, и достойную чюдеси божества Своего силу въ немъ во утвержденіе благочестія святого являше; сей днесь старостію приклоненъ, о его же здравіи вси купно молите Господа Бога, да обычнаго ради милосердія своего Богъ, Иже живота и смерти власть имѣяй, и сему, яко единому отъ рабъ Своихъ работающу Ему въ тщаніи благочестія, лѣтъ же и здравія приложитъ; сей бо, якоже вси есте днесь свѣдители, время все живота своего, яко въ любезныхъ и сладостнѣйшихъ ему трудѣхъ же и подвизехъ, ради умноженія славы вышнего Бога, и въ тяжкихъ нуждахъ о еже съхранитися цѣлу благочестію святыя съборныя апостольскія церкве, усердно и любезно купно съ нещаднымъ ему изнуреніемъ имѣній иждивъ, и даже и до днесь раждеженное его сердце любовію еже о свободѣ и о мирѣ православія не угасаетъ, и еже о семъ тщатися не престаетъ".

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Любопытны сказанія, передаваемыя позднѣйшими Польскими писателями о великомъ

богатствѣ вельможнѣйшаго изъ князей, князя Острожскаго, о чрезвычайной пышности, бывшей при его дворѣ, и о прочемъ,—сказанія, иногда слишкомъ уже пріукрашенныя. Но лучшимъ украшеніемъ при его Острожскомъ дворѣ, конечно, были *училище* и *типографія*, заведенныя имъ въ 70-тыхъ годахъ XVI-го вѣка. Острожское училище было первою на Руси *Греко-Славянскою* школою, для преподаванія „*вызволеныхъ* или *вольныхъ* наукъ“, по примѣру училищъ Латино-западныхъ. Тутъ былъ ректоромъ *Кириллъ Лукарь*, достопамятный поборникъ и страдалецъ православія, бывшій впослѣдствіи патріархомъ Константинопольскимъ и по происканъ езуитовъ утопленный въ морѣ, 1638 года.

Должно быть, такую-же школу завелъ у себя тогда и двоюродный братъ Острожскаго, князь Юрій Юрьевичь Слуцкій, которому, какъ потомку старшаго Ольгердова сына Владиміра, былъ особенный почетъ въ сенатѣ Литовскомъ: онъ занималъ первое послѣ Виленскаго бискупа мѣсто, выше прочихъ бискуповъ и всѣхъ сенаторовъ свѣтскихъ. Скончался онъ въ 1579 году; погребенъ въ Печерской лаврѣ.

Антоній Поссевинъ, въ своихъ донесеніяхъ папѣ Григорію XIII-му (1581 г.), говоритъ,

что „князья Острожскій и Слуцкій имѣютъ свои типографіи и училища, въ коихъ сей расколъ питается“ (т. е. наша православная, восточная вѣра). Для насъ это указаніе знаменитаго езуита важно, когда вспомнимъ, что вслѣдъ за тѣмъ онъ назначенъ былъ отъ папы главнымъ *куратором*ъ езуитскихъ училищъ въ государствѣ Польскомъ; что по его-же представленію, при езуитской Виленской школѣ[8], были заведены—и типографія съ Славянскимъ шрифтомъ, для распространенія католическихъ книгъ въ Русскомъ переводѣ, начиная съ катихизиса Каназіева,—и особая семинарія для Русскаго юношества, на содержаніе которой папа Григорій назначилъ изъ своей казны по 1200 коронатовъ ежегодно.

[8].—Езуиты въ первый разъ были введены въ Краковъ 1565 года, Вармійскимъ бискупомъ Станиславомъ Гозіемъ, стоявшимъ на стражѣ изнемогавшаго въ Польшѣ латинства. Такимъ же стражемъ его въ Литвѣ остался Виленскій бискупъ Валеріанъ Протасевичъ, который принялъ езуитовъ, присланныхъ отъ Гозія, и подъ прикрытіемъ войсковымъ ввелъ ихъ въ Вильну въ 1569 году, т. е., въ годъ Люблинской уніи. Тутъ они не замедлили открыть свое училище возведенное (1579 г.) на степень академіи Стефаномъ Баторіемъ, который ласкалъ езуитовъ, впрочемъ, не изъ сочувствія къ нимъ, а какъ полезное для него на то время орудіе. Свѣтиломъ Виленской школы былъ краснорѣчивый езуитъ **Петръ Скарга**, одинъ изъ лучшихъ Польскихъ писателей того времени, бывшій послѣ придворнымъ проповѣдникомъ и духовникомъ Жигимонта III-го.

Такова была забота о привлеченіи въ католичество Западнорусскаго юношества, особенно изъ высшихъ сословій—забота, увѣнчавшаяся впослѣдствіи огромнымъ успѣхомъ, да и въ самомъ началѣ своемъ не безплодная, какъ хвалился уже Поссевинъ, какъ писалъ со скорбію и князь Курбскій, въ отвѣтномъ письмѣ ко вдовѣ князя Ивана Черторыйскаго, намѣревавшейся отдать своего сына въ училище Виленское.

Остереженіе Курбскаго было не напрасное: этотъ князь Юрій Ивановичъ Черторыйскій, въ концѣ 1596 года, передалъ сестрѣ своей Еленѣ Горностаевой предковской православный монастырь *Пересопницкій;* а въ 1598 году, вмѣстѣ съ Станиславомъ Радивиломъ и другими сверстниками своими, обратился къ королю-миссіонеру съ просьбою о присоединеніи ихъ къ Римскому костелу. Самъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій имѣлъ несчастіе, схоронивъ двухъ сыновей, Константина и Александра, оставаться еще пять лѣтъ при своемъ третьемъ сынѣ Янушѣ, отступникѣ отъ православія.

Между тѣмъ, какъ размножались въ Западной Руси езуитскія школы, начиная съ Полоцка, стали возвышаться и вновь учреждаться

церковныя Православно-русскія братства и обзаводиться училищами, высшими противъ своихъ прежнихъ приходскихъ школъ, а также и типографіями. Еще въ исходѣ XVI-го вѣка явились православныя братскія школы—Львовская (1587), Виленская (1588), Брестская (1592), Могилевская (1596)—на подмогу школѣ Острожской. Такимъ образомъ воспиталось не одно поколѣніе просвѣщенныхъ людей,—въ залогъ Русскаго православія и въ отпоръ католичеству и уніатству.

Изъ питомцевъ Острожскаго училища особенно памятенъ доблестный гетманъ *Петръ Конашевичъ-Сагайдачный*, настояніемъ котораго возстановлена была, въ *1620*-мъ году, православная Кіевская митрополія, четверть вѣка сиротѣвшая безъ своего пастыря. Этотъ козацкій гетманъ оставилъ по себѣ безсмертную память и въ Кіевскомъ Богоявленскомъ братствѣ, гдѣ и погребенъ весною 1622 года.

У князя Острожскаго было въ виду преимущественно просвѣщеніе духовенства особенно Волынскаго, надъ которымъ въ его время начальствовали непутные епископы, во Владимирѣ—Ѳеодосій Лазовскій, а въ Луцкѣ—Іона Борзобогатый-Красенскій. При воспоминаніи объ нихъ, не льстивою оказывается похвала,

восписанная князю въ предисловіи къ Новому Завѣту, напечатанному въ Острогѣ *1580* года, гдѣ сказано: „Сіяюще, яко цвѣторасльная вѣтвь благочестія, источникъ милости и рачитель богодухновенныхъ догматъ святыя соборныя апостольскія церкви, распаляемъ многою любовію, достохвально желаніе подвигнулъ еси, о благочестивый княже! паче же въ нынѣшнее время, посредѣ рода строптива и развращенна, еже толикимъ нерадѣніемъ къ заповѣдемъ Господа нашего Іс. Христа супротивленіе пріемлюще, растерзаютъ немилостивнѣ церковь Божію и възмущаютъ нещадно стадо Его,...“

Понятно, что благочестивый князь, глубоко преданный православной церкви, помышлялъ о возстановленіи ея въ первобытной чистотѣ и цѣлости; и когда зашло дѣло о *соединеніи церквей,* онъ первый готовъ былъ на сіе святое дѣло въ томъ смыслѣ, какъ о немъ молитъ Всевышняго наша православная церковь, а не въ смыслѣ подчиненія всѣхъ христіанскихъ церквей—Римскому папѣ, присвоившему себѣ главенство и пастыреначальство, принадлежащее единому Господу Христу.

Заботясь о просвѣщеніи, князь Острожскій и въ 1593 году, въ пунктахъ, приложенныхъ въ письмѣ его къ новопоставленному въ

епископы—коварному сенатору Поцѣю, собственноручно писалъ, чтобы позаботиться, между прочимъ—„о закладаню *школъ* и *наукъ вольныхъ*, а звлаща для цвиченя духовнымъ; пильно потреба, же быхъмо мѣли ученые презвитеры и казнодѣе добрые; бо за тымъ, ижъ наукъ нѣтъ, великое грубіанство въ нашихъ духовныхъ умножилося.“

Такъ и черезъ девять лѣтъ, когда уже свирѣпствовала нововведенная унія, князь Острожскій отдалъ свой прадѣдовскій монастырь Дерманскій подъ киновію или общежитіе, и въ своей записи о томъ (1602 г.) говоритъ между прочимъ: „Бѣгуновъ черицовъ и чинови тому противныхъ абы въ томъ монастырѣ не пріймовати; едно таковыхъ, которые бы надъ тотъ порядокъ подлегать хотѣли и которые бы се зыйшли до науки; маютъ тежъ способнѣйшіе до науки учитися *письма Словенского, Грецкого и Латинского*, отъ особъ вѣры святое восточное будучихъ.“

Въ этотъ общежительный монастырь князь назначилъ тогда игуменомъ *Исаакія*, протосинкелла Александрійскаго, отдѣлилъ часть типографіи и отрядилъ Острожскаго пресвитера *Даміана*, стараніемъ котораго и напечатаны были здѣсь: *Октоихъ* 1604 года въ листъ,

а въ слѣдующемъ году—*Діалогъ* о *православной вѣрѣ* и *Листъ къ Ипатію* (Поцѣю), въ 4-ку, писанные патріархомъ Мелетіемъ.

Кромѣ *Дерманскаго Троицкаго* монастыря, оставшагося при замкѣ Острожскомъ, были во владѣніи князя еще монастыри: *Дорогобужскій Пречистенскій, Дубенскій Спасскій, Дубенскій Крестовскій, Степанскій Михайловскій.*

Тоговременные князья Волыни усердно заботились объ устроеніи православныхъ монастырей въ своихъ имѣніяхъ. Такъ у благочестиваго князя Богуша Ѳедоровича Корецкаго, воеводы Волынскаго, были монастыри *Корецкій, Маренинскій* и *Городискій.* Князь Ѳедоръ Андреевичь Сангушко, староста Владимирскій и маршалъ Волынской земли, устроилъ у себя въ 1542 году *Мѣлецкій* монастырь во имя св. Николая и т. д.

Князь Константинъ Константиновичь Острожскій былъ весьма набоженъ и строго соблюдалъ православные обряды и обычаи своихъ предковъ. Съ наступленіемъ великаго поста, онъ уединялся обыкновенно въ Крестовскій монастырь, гдѣ впродолженіе 20-ти лѣтъ былъ настоятелемъ святой мужъ *Іовъ Желизо*, вызванный княземъ изъ обители Угорницкой, впослѣдствіи долго еще бывшій игуменомъ Почa-

евскаго монастыря, гдѣ и почиваютъ его нетлѣнныя мощи; скончался въ 1651 году. (Не знаю, когда именно принялъ онъ схиму; будучи на Кіевскомъ соборѣ 1628 года, онъ подписался такъ: „*Іоаннъ Желѣзо* игуменъ Почаевскій“.)

Вспомянемъ еще одного Острожскаго питомца—блаженнаго *Аѳанасія*. Князь Константинъ Константиновичь въ 1599 году назначилъ его игуменомъ въ Межигорье и помогъ ему возстановить эту древнюю обитель, которая съ той поры быстро возвысилась и была долго въ великой славѣ и любви у народа Малороссійскаго.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Въ нынѣшнемъ письмѣ я займу вниманіе ваше книгами, изданными въ Острогѣ. Большая часть ихъ составляетъ уже чрезвычайную рѣдкость; но книжныя рѣдкости попадаются иногда неожиданно. Я увѣренъ, что у многихъ здѣшнихъ старожиловъ, особенно у священниковъ, въ бумажномъ хламу, сохранились еще нѣкоторыя Острожскія изданія, хотя и неполныя. Доброе дѣло сдѣлали бы они, еслибы все, что найдется у нихъ похожаго на то, передали въ библіотеку Острожскаго братства, въ которой весьма прилично быть собранію здѣшнихъ изданій.

Для такого собранія и небольшой отрывокъ можетъ быть пригоденъ, въ пополненіе собою другихъ. А на первый разъ, въ основаніе такого собранія, скорѣе всего нашелся бы запасъ у книгособирателей Московскихъ... Изъ Москвы былъ и первый Острожскій книгопечатникъ, достопамятный Гостунскій діаконъ *Иванъ Федоровъ*, который вмѣстѣ съ *Петромъ Тимофѣевымъ Мстиславцемъ*, напечаталъ въ 1563-64 году *Апостолъ*—первенецъ Московской печати. Но тогдашніе торгаши-книгописцы взвели на нихъ ересь, и они бѣжали въ Литовскую Русь, принимавшую охотно выходцевъ Великорусскихъ. Тоже было и съ первоначальнымъ печатникомъ Славянскими буквами, *Швайпольтомъ Фіолемъ*, который въ 1491 году напечаталъ въ Краковѣ *Часословъ*, а потомъ *Псалтырь*, *Октоихъ*, *Тріоди*, но обвиненный въ ереси, удалился въ Венгрію.

Гетманъ Литовскаго княжества Григорій Александровичъ Ходкевичъ, бывшій предмѣстникъ князя Острожскаго на воеводствѣ Кіевскомъ, пріютилъ у себя Московскихъ книгопечатниковъ и завелъ типографію въ своемъ городкѣ Заблудовѣ (Гродненской губерніи). Тамъ они въ 1568-69 году напечатали *Евангеліе Учительное* и *Псалтырь*. Но въ томъ же 1569 году скончался благочестивый Литовскій гетманъ. Тогда

Петръ Мстиславецъ перешелъ въ Вильну, завелъ новую типографію, у братьевъ Козмы и Луки Мамоничей, и напечаталъ въ ней 1575 года *Евангеліе* и *Апостолъ*. Впрочемъ въ Вильнѣ еще прежде была типографія, въ домѣ бурмистра Якова Бабича, гдѣ неутомимый Полочанинъ *Скорина* печаталъ съ 1525 года *Апостолъ*, *Псалтирь*, *Акафисты* и другіе первенцы печати Западнорусской.

Между тѣмъ Иванъ Ѳедоровъ, покинувъ деревню, подаренную ему Ходкевичемъ, перешелъ въ Червоную Русь, и въ 1570-мъ году началъ заводить во Львовѣ свою типографію. Тутъ онъ напечаталъ въ 1573-74 году *Апостолъ*—первенецъ печати Червонорусской. Вскорѣ послѣ того онъ вызванъ былъ въ Острогъ и началъ устроять здѣсь новую типографію.

Вышепомянутый докторъ *Скорина* изъ Полоцка, еще въ первой четверти XVI вѣка, въ домѣ Виленскаго бурмистра Бабича, перевелъ на Западнорусскій языкъ библію, съ Латинской вульгаты, которая и напечатана была по частямъ въ Чешской Прагѣ 1517-1519 года, иждивеніемъ Виленскаго-же гражданина Богдана Онькова. Эта *Библія Руска* (въ 4-ку) предупредила собою появленіе въ печати и библіи

на Чешскомъ языкѣ (1555), и двухъ переводовъ ея на языкъ Польскій—одинъ для католиковъ, изданный въ Краковѣ 1561 года, другой для протестантовъ, напечатанный въ Брестѣ 1563 года, иждивеніемъ Николая Радивила Чернаго, бывшаго главнымъ подвижникомъ протестанства въ княжествѣ Литовскомъ. (У него въ Несвижѣ, 1562 года, напечатанъ былъ „*Катихизисъ* для простыхъ людей языка Рускаго“, сочиненный кальвинистомъ Симономъ Буднымъ съ товарищы.)

Въ тѣ поры князь Острожскій предпринялъ изданіе Церковно-славянской библіи—безсмертнаго труда святыхъ Первоучителей Славянскихъ. Но полнаго списка ея не нашлось ни въ одной Славянской землѣ, кромѣ Москвы. Оттуда и получилъ князь, около 1570 года, списокъ библіи, выпрошенный для него у Іоанна Васильевича Грознаго Михайломъ Богдановичемъ Гарабурдою, писаремъ Литовскаго княжества, неоднократно исправлявшимъ посольство въ Москву. Когда же, при сличеніи многихъ списковъ, открылись въ текстѣ „не токмо разньствія, но и развращенія“, тогда князь Острожскій послалъ искать еще другихъ списковъ, на западѣ и востокѣ, въ разныхъ монастыряхъ Греческихъ, Сербскихъ и Болгарскихъ; онъ обращался и къ патріарху Константинопольскому

Іереміи, прося у него исправныхъ списковъ библіи и знающихъ людей. Послѣ того, по общему совѣту своихъ сотрудниковъ, князь Острожскій избралъ Греческій текстъ 70-ти толковниковъ и велѣлъ слѣдовать ему при исправленіи разнословій; и когда оконченъ былъ этотъ достопамятный трудъ, приступили къ его изданію, и въ началѣ 1580 года представленъ былъ князю *Новый Завѣтъ* съ *Псалтырью* впереди, въ 8-ку—какъ *первый* плодъ отъ его печатнаго Острожскаго дома.

Того же года напечатана была отдѣльно *Симфонія* въ 8-ку, а наконецъ и полная *Библія* въ листъ. Это первое изданіе Острожской библіи величайшая рѣдкость. Встрѣчается обыкновенно второе ея изданіе 1581 года. Въ первомъ ея предисловіи, отъ имени князя, изложена вышеприведенная исторія изданія. Второе предисловіе о важности и пользѣ священнаго писанія, равно какъ и находящіеся тамъ стихи, сочинены *Герасимомъ Даниловичемъ Смотрицкимъ*, который былъ у князя подскарбіемъ и главнымъ сотрудникомъ по дѣламъ книжнымъ.

Того же 1581 г. напечатана еще *Хронологія*, въ листъ, сочиненная *Андреемъ Рымшею* (котораго стихи встрѣчаются и въ Литовскомъ Статутѣ, изданномъ въ Вильнѣ 1588 года).

Послѣ изданія означенныхъ книгъ въ Острогѣ, знаменитый „друкарь Москвитинъ“ возвратился во Львовъ, гдѣ и скончался 5-го декабря 1583 года.

Въ томъ-же году, въ маѣ мѣсяцѣ, скончался на Волыни и другой знаменитый Москвитинъ, князь Андрей Михайловичь Курбскій, такъ много здѣсь потрудившійся въ занятіяхъ книжныхъ, такъ ревностно увѣщававшій своими посланіями здѣшній людь пребывать „въ благочестіи праотеческомъ“ и остерегаться „отъ мысленныхъ звѣрей“.... Въ своемъ завѣщаніи (24 апрѣля) онъ назначилъ первыми опекунами женѣ и своему сыну князя Острожскаго и его старшаго сына Константина.

Между тѣмъ началась уже тревога отъ папистовъ—на первый разъ по поводу новаго Григоріанскаго календаря, непринятаго православною церковью,—тревога, неутишенная и грамотами Баторія. По этому случаю, напечатаны были въ Острогѣ 1583 года: *Листы патріарха Іереміи*, въ 4-ку, и *Діалогъ патріарха Геннадія*, въ 8-ку. Герасимъ Смотрицкій издалъ потомъ свое сочиненіе: *Календарь Римскій новый* 1587 года, въ 4-ку. (Ему же принадлежатъ и сатирическія *Вирши* на отступниковъ.)

Съ 1588 года видѣнъ въ Острогѣ новый

дѣятель—пресвитеръ *Василій*. Онъ издалъ въ томъ году два замѣчательныя писанія свои противъ мнѣній Римско-католическихъ: *О единой истинной православной вѣрѣ и святой апостольской церкви*, и *Исповѣданіе о исхожденіи святаго Духа*,—въ 8-ку. Вслѣдъ затѣмъ были изданы тутъ двѣ знаменитыя въ христіанскомъ мірѣ *Книги: Василія Великаго* о постничествѣ (1594, въ листъ) и *Маргаритъ Іоанна Златоуста* (1596, въ листъ).

Въ эти годы кипѣло уже дѣло церковной *уніи*, заправленной езуитами, при помощи королевской, на горе и соблазнъ православному народу Кіевской митрополіи и на пагубу королевству Польскому. Это тяжелое и темное дѣло довершилось, наконецъ, въ *октябрѣ 1596* года, на соборѣ *Брестскомъ* или *Берестейскомъ*, послѣ котораго еще съ большимъ ожесточеніемъ продолжалась борьба православныхъ людей, *неунитовъ*, съ отщепенцами отъ православія, *унитами* или *уніатами;* она продолжалась и въ полемикѣ книжной. Еще въ исходѣ 1595 года, при отъѣздѣ въ Римъ Терлецкаго и Поцѣя, этотъ второй епископъ-*фальшоръ* пустилъ въ ходъ свою книжку *Унія*, напечатанную въ Вильнѣ; а отъ православнаго Виленскаго братства, знаменитый въ немъ проповѣдникъ *Стефанъ Зизаній*

-*Тустановскій*, въ началѣ 1596 года, издалъ на Западнорусскомъ и Польскомъ языкахъ—*Казанье св. Кирілла, патріарха Іерусалимскаго, о Антихристѣ и знакахъ его*. Эта книжка посвящена была князю Острожскому, какъ главному противнику уніи и защитнику православія.

Послѣ собора Брестскаго явилось краткое изложеніе его дѣяній, изданное со стороны православныхъ, въ началѣ 1597 года, на Польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Эктезисъ* (Ekthesis); а съ противной стороны вышла тогда же на Польскомъ языкѣ книжка *Оборона* (Obrona) *Брестскаго собора*, написанная езуитомъ Петромъ Скаргою. Въ отповѣдь на эту оборону, издана была знаменитая книга *Апокризисъ*, напечатанная въ исходѣ 1597 г., въ 4-ку, въ *Острогѣ* (а не въ Вильнѣ, какъ полагаютъ обыкновенно). Она вышла подъ псевдонимомъ *Христофора Филалета*; а сочинилъ ее, по порученію князя Острожскаго, *Христоферъ Бронскій*, какъ извѣщаетъ трудолюбивый уніатъ прошлаго столѣтія Стебельскій. Противъ этой книги въ 1600 году издано было уніатами очень бранчивое, но недѣльное возраженіе подъ заглавіемъ *Антирризисъ*, на языкѣ Польскомъ. Оно сочинено Грекомъ-уніатомъ *Петромъ Аркудіемъ*, котораго вывезъ изъ Рима Ипатій Поцѣй и

которому дано было принадлежавшее Жидичинскому Никольскому монастырю помѣстье въ Пинскомъ повѣтѣ, въ обиду заслуженнаго Львовскаго епископа Гедеона Балабана, бывшаго вмѣстѣ и архимандритомъ Жидичинскимъ.

Между тѣмъ въ Острогѣ были напечатаны въ 1598 году: *Отписъ на листъ отца Ипатіа* (Поцѣя) въ 4-ку, и такъ называемая „Книжица въ десяти отдѣлахъ„ въ 8-ку, содержащая въ себѣ *листы патріарха Мелетія къ православнымъ*, между которыми помѣщенъ и листъ самаго князя Острожскаго.

Кромѣ этихъ полемическихъ сочиненій, изданы были въ Острогѣ слѣдующія богослужебныя книги, подъ наблюденіемъ вышепомянутаго священника Василія: *Псалтырь* съ *Часословомъ*,— и тотъ же *Псалтырь* съ *возслѣдованіемъ*, 1598 г. въ 8-ку; *Часословъ* 1602 г. въ 8-ку; *Служебникъ* 1604 г. въ 4-ку; *Молитвословъ* или *Требникъ* 1606 года въ 4-ку.

Послѣднею изъ книгъ, напечатанныхъ въ Острогѣ при жизни князя Константина, была: *Лѣкарство на оспалый умыслъ человѣчій* 1607 г., въ 4-ку. Она состоитъ изъ двухъ *словъ* св. Іоанна Златоуста и *Тестамента* Василія, царя Греческаго, сыну своему Льву Философу, въ переводѣ съ Греческаго языка на Славянскій и

Западнорусскій; ее издалъ извѣстный уже намъ Острожскій пресвитеръ *Даміанъ*, принимавшій дѣятельное участіе и въ соборѣ Брестскомъ. Тамъ онъ наряженъ былъ къ митрополиту Михаилу Рогозѣ, который позднѣе всѣхъ прибылъ въ Брестъ, скрывался отъ свиданія съ православными, и не явился къ нимъ на соборъ. Отецъ Даміанъ былъ родной братъ славнаго козацкаго гетмана *Северина Наливайка*, который, воротясь изъ похода противъ Татаръ и въ Венгрію, пошелъ въ 1595 году на опустошеніе имѣній Терлецкаго и другихъ отступниковъ отъ православія—на Волыни, въ Полѣсьи и Бѣлоруссіи: а потомъ, ставши въ борьбу съ короннымъ гетманомъ Станиславомъ Жолкевскимъ, былъ полоненъ имъ подъ Лубнами и претерпѣлъ мучительную казнь въ Варшавѣ 1597 года.

Съ какимъ негодованіемъ и презрѣніемъ козаки смотрѣли на уніатовъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Козацкій гетманъ Григорій Изаповичъ, въ своемъ универсалѣ 1610 года 29 мая изъ Запорожья, объявлялъ всѣмъ, чтобы извѣстнаго уніата *Антонія Грековича* „где колвекъ здыбавши, якъ пса убити.“ И онъ впослѣдствіи былъ утопленъ козаками въ Днѣпрѣ (1618 года).

Между тѣмъ въ Острогѣ 1612 года былъ

напечатанъ еще *Часословъ* (въ малую 8-ку), двумя изданіями, различными не только наборомъ, но и прибавочными статьями. Этотъ замѣчательный Часословъ изданъ былъ *повелѣніемъ* князя Януша Острожскаго, кастеляна Краковскаго, который, хотя былъ уже католикомъ, но ради славы своего отца, поддерживалъ еще всѣ его просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія. Такъ и знаменитое училище Острожское, хотя и пришло въ упадокъ по смерти своего основателя, однако продолжалось еще и при Янушѣ Острожскомъ. Вотъ что говорится въ *Вѣршахъ* Кассіана Саковича на погребеніе гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго, изданныхъ въ Кіевѣ 1622 года:

«Уродился онъ въ краяхъ Подгорскихъ Премысскихъ,
Выхованъ въ вѣрѣ церкви всходней зъ лѣтъ дѣтинскихъ.
Шолъ потомъ до Острога, для наукъ уцтивыхъ,
Которыи тамъ квитли, за благочестивыхъ
Княжатъ, которыи ся въ наукахъ кохали,
На школы маетностій много фундовали:
Абы ся млодь въ наукахъ уцтивыхъ цвѣчила,
Церкви и тежъ отчизнѣ пожитечна была.
Дай, Боже, бы тая тамъ фундація трвала,
Же бы ся оттоль хвала Божія помножала!..»

ПИСЬМО СЕДМОЕ.

Святопамятный князь Константинъ Константиновичь Острожскій скончался 1608 года 13 февраля, въ субботу Ѳеодоровой недѣли, на 82-мъ году жизни; погребенъ въ Острогѣ, въ замковой Богоявленской церкви, возлѣ своего меньшаго и любимаго сына Александра.

Въ воспоминаніе его отцовской заботы объ этомъ сынѣ, прочтемъ слѣдующее его письмо, сообщенное мнѣ въ 1840 году покойнымъ историкомъ Галицкой Руси, Денисомъ Зубрицкимъ.

„Братству Львовскому Успенія Пречистое Богородицы Матере Божои, о Господѣ радоватись и мирне здравствовать желаемъ. Не невѣдомо мню вамъ се есть, яко сынъ мой князь Александро восточникъ между зубами западныхъ людей вѣры и науки и всего набожества усѣлъ, сиречь, обитателемъ Ярославскимъ се сталъ; гдежъ помощи и ратунку въ потверженью вѣры его отъ насъ мѣти не можетъ, скудости ради учителей, безъ нихъ же и сами гладъ страждемъ. Но повеже у васъ болшей обрѣтается, молю васъ, да не сице отъ васъ поблизь суще небреженія ради, якожъ и Константинъ сынъ мой, постраждетъ. Бога ради попеченіе всяко сотворѣте, да не имѣютъ въ немъ части нѣединоя езуиты. За што вамъ Богъ Свою

мзду отдастъ, и мы въ чесомъ случится взаимствуемъ. За тымъ вашь мостей Господу Богу поручаемъ. Данъ зъ Дубна року 1592, мѣсяца декабрія 1 дня. Вашь мостей зычливый пріятель—Константинъ княжа Острозское, воевода Кіевскій, маршалокъ земли Волынское, староста Володимирскій-власная рука".

Но князь Александръ остался недоступнымъ для езуитовъ; да и старшій братъ Костантинъ только временно увлекался ими, а потомъ прогналъ ихъ отъ себя, и скончался 1595 года въ православной вѣрѣ своихъ предковъ.

Князь Александръ Константиновичь водворился въ древнемъ Галицкомъ городѣ Ярославѣ, женясь на дочери Сендомирскаго воеводы Яна Костки, владѣвшаго этимъ городомъ. Для отца своего онъ былъ отрадою и помощью въ защитѣ православной церкви. Такъ и въ 1599 году, когда состоялась Виленская конфедерація православныхъ съ протестантами, на общую защиту отъ гоненія латинянъ,—первыми *попечителями церкви* выбраны были, со стороны православныхъ, три сенатора: князь Константинъ Острожскій, воевода кіевскій; князь Александръ Острожскій, воевода Волынскій; князь Ѳедоръ Сангушко-Коширскій, кастелянъ Браславскій, и т. д.

Въ 1603 году обширное Острожское владѣніе князя Константина[10] раздѣлено было между двумя его сыновьями; и въ томъ же году скончался князь Александръ, отравленный своимъ слугою.... Вотъ замѣтка о немъ, напечатанная въ Октоихѣ Дерманскомъ:

„Въ лѣто 1603-е декабря 2-го дня преставися благочестивый князь Александеръ воевода Волынскій, сынъ благовѣрнаго князя Константина; велій плачь и жалость отцу же и чадомъ остави; найпаче же христіаномъ, вси бо бяху чающе помощь тѣмъ получити въ бѣдахъ и гоненіихъ, одержащихъ Христову церковь.“

Послѣ него остались два сына, *Константинъ* и *Иванъ*, и три дочери, бывшія въ замужествѣ—одна за княземъ Любомирскимъ, другая за Замойскимъ, третья за Ходкевичемъ. Овдовѣвшая княгиня его *Анна*, которую называли обыкновенно „княгинею Ярославскою,“ была ревностною католичкою и любительницею

[10].— Владѣніе **Острожское** состояло тогда въ 25 городахъ, 10 мѣстечкахъ и 670 селеніяхъ, кромѣ приписанныхъ къ разнымъ монастырямъ и церквамъ (въ томъ числѣ г. Александровъ принадлежалъ къ Печерской лаврѣ).

Сверхъ того князьямъ Янушу и Александру Острожскимъ принадлежало еще владѣніе **Тарновское**, оставшееся отъ матери ихъ, княгини **Софіи**, дочери графа Станислава Тарновскаго, кастеляна Краковскаго. Были у нихъ еще и Литовскія помѣстья, купленныя отцомъ ихъ въ Литвѣ. Не даромъ была пословица: богатый якъ Острозскій».

езуитовъ; по ихъ проискамъ она, по смерти мужа, отогнала отъ своихъ сыновей и отъ Ярославской церкви бывшаго здѣсь учителемъ и проповѣдникомъ *Лаврентія Зизанія-Тустановскаго*, который еще въ 1596 году, въ Виленскомъ братствѣ, издалъ свою „Грамматику Словенску“ и нѣкоторыя другія книжки.[11]

Кажется въ 1608 году, княгиня Анна заставила своихъ сыновей причаститься въ ярославскомъ костелѣ и воспѣть Te Deum laudamus! Однако впослѣдствіи, когда ихъ дядя Янушъ, не имѣвшій сыновей, учреждалъ троекратно свою пресловутую Острожскую *ординацію* и назначалъ въ наслѣдники своихъ племянниковъ, подъ условіемъ быть католиками, то оба они отказались отъ богатаго наслѣдства. Вскорѣ послѣ того, воротясь изъ путешествія по чужимъ краямъ, они померли въ Люблинѣ—Константинъ въ 1618 году, а черезъ годъ, въ тотъ же день и часъ, и меньшій братъ Иванъ.[12]

[11].— Лаврентій перешелъ изъ Ярославля къ княгинѣ Аннѣ Ходкевичевнѣ Корецкой, которая, по смерти своего мужа, князя Якима, пускалась въ разныя вѣрованія и исповѣданія; но потомъ возвратилась къ православію и была ревностною его подвижницею и защитницею. Этой княгинѣ посвящалъ свои писанія нашъ знаменитый проповѣдникъ Леонтій Карповичъ. Въ числѣ духовныхъ лицъ, бывшихъ на Кіевскомъ соборѣ 1628 года, подписанъ и «Лаврентій Зизаній-Тустановскій, протопопа Корецкій.

[12].— Любопытно сказаніе о двукратномъ предреченіи ихъ смерти, но въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось въ запискахъ Петра Могилы.

А въ 1620 году скончался и Янушъ Константиновичъ, погребенный въ Тарновѣ. На этомъ князѣ пресѣкся знаменитый родъ Острожскихъ. Наслѣдникомъ Янушевой ординаціи сталъ его зять, князь *Александръ Ивановичъ Заславскій*, бывшій недолго воеводою Кіевскимъ и скончавшійся въ августѣ 1629 года, вскорѣ послѣ смерти своей княгини Ефросины.

Наслѣдницею другой половины Острожскаго владѣнія, Александровой, осталась дочь его княжна *Анна* или *Галшка Острожская*, на которой не замедлилъ жениться знаменитый воевода Виленскій *Карлъ Ходкевичъ*; но онъ скоро простился съ своею прекрасною и добродушною Галшкою—назначенный въ гетманы, для Хотинской войны 1621 года. Въ той войнѣ уже въ послѣдній разъ воевалъ козацкій гетманъ Сагайдачный, и вернулся въ Кіевъ, къ своей женѣ Анастасіи, обремененный новыми, смертельными ранами; а новобрачный коронный гетманъ Ходкевичъ и не вернулся: онъ заболѣлъ и умеръ въ Хотинѣ 24-го сентября, и уже на другой годъ перевезенъ былъ въ Острогъ, попеченіемъ своей молодой вдовы. Княгиня Ярославская была безотлучно при своей тоскующей дочери;

(см. въ **Прибавленіяхъ** къ Кіевскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ за 1861 годъ.)

а вскорѣ приблизились къ ней и утѣшители езуиты. Для нихъ воеводина Анна основала въ Острогѣ 1624 года большой коллегіумъ. Но кровь Острожскихъ сильно еще говорила въ ней; гробницы отца и дѣда напоминали еще внятно о благочестивыхъ предкахъ... и она предпринимала даже возстановить заново, въ своемъ городѣ Туровѣ, православную епископію [13] по грамотѣ Жигимонта I-го, данной прадѣду ея, князю Константину Ивановичу.

Когда же въ началѣ 1633 года, на избирательномъ сеймѣ, новый король Владиславъ IV-ый подтвердилъ права и вольности Кіевской православной митрополіи, и былъ избранъ на томъ сеймѣ въ епископы Луцкіе и Острожскіе, извѣстный своею преданностью православію, Волынскій обыватель *Александръ Пузына*, переименованный въ *Аѳанасія*,—тогда езуиты Острожскіе подѣйствовали уже рѣшительно на Анну Александровну и—овладѣли ея душою. Въ концѣ того же года, обозрѣвая свою епархію, епископъ Аѳанасій посѣтилъ Острогъ; но каѳедральная замковая церковь была заперта для

[13]— Посвященный 1620 года въ Кіевѣ патріархомъ Ѳеофаномъ—грекъ **Аврамій**—въ епископы Туровскіе и Пинскіе, **Исаакій Борисковичъ**—на епископію Луцкую и Острожскую, были живы и въ 1633 году: но они не были допущены на свои каѳедры, занятыя уніатами, и находились въ Кіевѣ.

него шестью замками, и Острожскій староста Адамъ Буяновскій объявилъ приказъ своей госпожи, чтобы не признавать его за владыку и не допускать къ церквамъ, находящимся въ ея городахъ и селахъ. А въ 1636 году произошла въ Острогѣ возмутившая здѣшній народъ исторія, которую я передамъ словами современной Лѣтописи Львовской.

„Въ томъ же року, на свята великодныи, зъ недѣли на понедѣлокъ, у Острогу, пани воеводиная, дочка княжны Ярославской, пошедши до замку, казала собѣ гробъ отворити, и добывши склепу, гдѣ лежало тѣло отца ея, и казала его взяти, которое южъ было згнило, тылько кости; которыи взявши, казала ихъ помыти, и посвятити езуитомъ, и отвезти до Ярославля до матки своей; и казала провадити изъ церкви, кгды Русь звыкла, на память звитязства Христа Спасителя нашего, съ крестами, съ корогвами тріумфъ коло церкви отправовати, абы съ того напасть на Русь учинити; и такъ учинили много злого христіанству.“

Прошло еще два года, и всѣ имѣнія, которыми такъ щедро были надѣлены отъ князя Константина училище Острожское, и типо-

графія, и госпиталь, и монастырь Дерманскій —всѣ они были уже въ рукахъ езуитовъ...

Но прошло еще десятилѣтіе—самое тяжкое для православнаго народа Кіевской митрополіи —и явился грозный отмститель за всѣ ея обиды и напасти, *Богданъ Хмельницкій*, поощренный къ возстанію самимъ королемъ Владиславомъ. Тогда Украинское козачество, разлившееся до Днѣстра и до Ворсклы, нагрянуло и на Острогъ въ августѣ 1648 года, и знаменитый коллегіумъ былъ пущенъ „дымомъ до неба“. Подобно ему и всѣ езуитскіе коллегіумы, бывшіе въ Кіевѣ, Переяславѣ и другихъ Малоросійскихъ городахъ, потерпѣли тогда опустошеніе.

А въ генварѣ 1654 года вся Малороссійская гетманщина, состоявшаяся при Богданѣ изъ воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Браславскаго, отложилась отъ Польши и присоединилась къ государству Московскому, въ общій составъ Русскаго міра. Этимъ *Переяславскимъ* соединеніемъ Кіевской земли съ Московскою докончено было ея *Люблинское* соединеніе съ Польшею, продолжавшееся около 85 лѣтъ. Припомню, что Переяславская присяга гетмана Богдана и всей войсковой старшины (8 генваря) совершена была въ той соборной Успенской церкви, которую поставилъ князь Константинъ

Константиновичь Острожскій, на мѣстѣ древней церкви Мономаховой на княжемъ дворѣ.

Того же 1654 года скончалась Анна Острожская Ходкевичева. Въ одной изъ росписанныхъ горницъ запустѣлаго Острожскаго коллегіума, лѣтъ за двадцать, было еще ея изображеніе, въ видѣ католицкой монахини. Списать бы для памяти это изображеніе внуки Константиновой, какъ послѣдней вѣтки княжескаго рода Острожскихъ.

Надъ прахомъ достославнаго воеводы Кіевскаго, величавымъ памятникомъ возвышается опустѣлая соборная церковь Богоявленская. Мнѣ кажется, что при назначенномъ уже возобновленіи этой благолѣпной церкви, справедливо было бы устроить придѣлъ во имя *царя Константина*, которое повторялось въ четырехъ послѣднихъ поколѣніяхъ князей Острожскихъ. Хорошо было бы и въ нашемъ Острожскомъ Кирилло-Меѳодіевскомъ Братствѣ совершать ежегодную память о *Просвѣтителѣ Острожскомъ*...

На этомъ бы мнѣ и кончить; но вспомянулось, что во имя св. Кирилла и Меѳодія учредилось и въ Парижѣ братство, и притомъ братство езуитское, которое уже обзавелось и типографіей съ Славянскимъ шрифтомъ.... Старая

пѣсня, *по замышленію Поссевину!* На эту пѣсню мы можемъ сказать *старыми словесы* нашего приснопамятнаго гетмана Сагайдачнаго:

„Маютъ отцы езуиты и все духовенство костела Римскаго, и безъ насъ православныхъ, кого до унѣи своеи наворочати и присвояти,— тыхъ народовъ, которыи отнюдь не вѣдаютъ и не вѣрятъ въ Христа Господа, плотію въ міръ пришедшаго. А мы православныи, древнихъ святыхъ апостольскихъ и отческихъ преданій и догматовъ, безъ жаднои унѣи и схизмы, придержащися, не отчаеваемся нашого спасенія и блаженного живота вѣчного“.

М. Максимовичъ.

25 февраля 1866 г.
Михайлова – Гора,
Золотопошскаго уѣзда.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
№
193 г.

16.04.05.

Цѣна Тридцать Коп: Сер: